

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>

Научная статья / Research article

Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в.

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан;
420011, Россия, Казань, Батурина, 7; bahetem@mail.ru

Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century

Liliya R. Gabdrafikova

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences;
7, Baturina St., Kazan, 420111, Russia; bahetem@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению новой социальной группы татарской светской интеллигенции – учительниц национальных школ (мугаллима), сформировавшейся на рубеже XIX–XX вв., когда в татарском обществе особую актуальность приобретало женское образование. Исследование проведено на основе документов личного происхождения. В статье рассмотрена трансформация роли *остазбика* (супруги имама, учительницы мусульманского прихода), проведен анализ первых татарских женских школ, установлены источники формирования учительниц-мугаллима. Кроме того, специальное внимание уделено вопросам повышения квалификации мугаллима, юридической регламентации деятельности татарских учительниц, их должностным обязанностям и материальным условиям жизни. С учетом гендерной роли среднестатистической женщины проанализировано положение татарской учительницы в мусульманском обществе, ее повседневное поведение, образ мугаллимы в татарской литературе и восприятие этой профессии разными социальными группами. Автор делает вывод о том, что профессиональный статус мугаллимы в татарском обществе был легализован только в годы Первой мировой войны, а социальное восприятие мугаллимы было амбивалентным. Традиционное общество относилось негативно к независимой женщине, в то время как национальная интеллигенция поддерживала положительный образ мугаллимы. Но вопрос совмещения женщиной педагогической работы и семьи оставался открытым. Татарские феминистки эпохи Первой русской революции видели в работе мугаллимы альтернативу семье и служению общенациональным интересам ставили выше своей частной жизни.

Ключевые слова: история повседневности, татарские женские школы, мусульманская община, феминизм, учительница

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 302–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>

Abstract: In this article, the author discusses a new social group within the Tatar secular intelligentsia – the female teachers (*mugallimas*) of the national primary schools. The study is based on personal documents, in particular memories and autobiographies. At the turn of the 20th century, the issue of female education became particularly important in Tatar society. The author shows the transformation of the role of the *ostazbika* – the imam's wife who traditionally used to teach the girls of the Muslim

community – and presents an overview of the first Tatar girl schools. Pointing out the sources of the formation of mugallima as a separate social group, the author also identifies an intermediate variant of this social group. Furthermore, attention is paid to the problem of advanced training of the mugallima, the legal regulation of Tatar female teachers' activities, and to their official duties as well as their material conditions. The author studied the mugallima's position in the Muslim society in relation to the gender role of an average woman, considering the everyday behavior of the mugallima, the mugallima's image in Tatar literature as well as the way different social groups perceived this profession. The author concludes that in Tatar society the professional status of the mugallima was legalized only during World War I, and the social perception of the mugallima remained ambivalent. While traditional Muslim society continued to disapprove of independent women, the national intelligentsia supported a positive image of the mugallima. However, the issue of combining pedagogical work and family remained open. Tatar feminists of the revolutionary epoch considered the work of the mugallima as an alternative to family life and put the interests of the nation before their private life.

Keywords: everyday life history, Tatar girls' schools, Muslim community, feminism, female teacher

For citation: Gabdrāfikova, Liliya R. "Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century." *RUND Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 302–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>

Введение

В начале XX в. в татарском обществе учителя составляли значительную группу светской интеллигенции. Их появление было связано как с общероссийскими модернизационными процессами второй половины XIX в., так и с джадидизмом (мусульманским реформаторством). Наряду с религиозными наставниками (мударрис, хальфа, остазбика) в дело народного образования, в том числе в конфессиональных училищах, подключаются мугаллим (учитель) и мугаллима (учительница). Именно они, взявшие на себя функции преподавателей светских дисциплин, стали главными проводниками идей просвещения и национального прогресса (милли тэрэккый) среди широких слоев татарского населения.

Вопросы женского просвещения и общественной деятельности татарских женщин рубежа XIX–XX вв. не раз становились предметом научных исследований. Например, в советские годы увидели свет труды о татарском женском движении и общественно-политической роли женщин Татарии¹. Примечательно, что автор одной из книг, поэтесса и мугаллима Захида Бурнашева, сама являлась активной участницей женского движения начала XX в.

Особое внимание исследователей привлекает Всероссийский съезд мусульманок, прошедший в Казани в апреле 1917 г. Помимо личности Шафики Гаспринской, это событие занимает центральное место в монографии турецких авторов Шенгюл и Незип Хаблеметоглы². Продолжением этой темы является исследование С. Фаизова о борьбе российских мусульманок за свои права в 1917 г.³ Отдельно следует выделить многочисленные публикации Т.А. Биктимировой и А.Х. Махму-

¹ Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963; Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хэрэкэте тарихыннан. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1971.

² Ş. Hablemitoğlu, N. Hablemitoğlu *Şefika Gaspıralıve Rusya'da Türk Kadın Hareketi (1893–1920)*. Ankara: [S.n.], 1998.

³ Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: Махинур, 2005.

товой, вернувших целый ряд забытых имен татарского женского движения начала XX в.⁴ В целом, гендерные исследования в татароведении занимают периферийное место. За исключением ряда публикаций, затронувших женский аспект социальной жизни⁵, данное направление еще недостаточно интегрировано в общие научные проблемы. Также и история национального образования еще не подвергалась историко-антропологическому анализу. Остается неизученной проблемой повседневная жизнь мугаллимы.

Целью данной статьи является определение социально-профессионального статуса мугаллимы в татарском обществе. Для этого нам необходимо показать источники формирования института татарских учительниц на рубеже XIX–XX вв.; изучить их функции и положение в мусульманском приходе; сравнить образ мугаллимы с другими биографиями представительниц этой профессии.

Основными источниками исследования выступают историко-биографические материалы (воспоминания, автобиографии). Дополнительными источниками являются татарская публицистика и дореволюционная литература начала XX в.

Татарские женские школы на рубеже XIX–XX вв.

Обучение подрастающего поколения всегда было одной из главных задач мусульманской общины. Религиозные знания, а также навыки чтения и письма дети получали в конфессиональных начальных школах (мектебе), работавших при каждой мечети. Однако до конца XIX в. татарские мектебе посещали только мальчики. Татарские девочки ограничивались уроками остазбики (супруги приходского имама), которые она давала у себя дома.

В отличие от широких слоев населения, дочери татарских дворян и чиновников обучались и в русских учебных заведениях. Именно по их инициативе в 1870-е гг. появились попытки организации женских русско-татарских школ. Однако в Казани несколько таких школ проработали лишь короткое время и закрылись из-за малочисленности учениц, желавших обучаться в светской школе⁶.

Но в свете быстро менявшихся условий жизни эпохи модерна становилось очевидным, что такого рода конфессиональные, гендерные ограничения крайне невыгодны всему татарскому обществу. Русско-татарские школы в определенной степени побудили к переформатированию традиционного женского обучения при мечетях. Например, в 1872 г. иркутский купец Загидулла Шафигуллин организо-

⁴ Биктимирова Т.А. Татар хатын-кызлары мәгърифәт юлында. Казан: Печатный Двор, 2001; Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). Казань: Татарское книжное изд-во, 2006.

⁵ Габдрафикова Л.Р. «Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году // Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. Т. 2. С. 245–270; Брилева Д. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 17–36; Гатина-Шафикова Д.Ф., Шафиков И.Ф. Внешний вид женщины в кроссгендерном пространстве мусульманского социума Поволжья и Приуралья: дискурс и практика // Гасырлар авазы. 2018. № 1. С. 179–191.

⁶ Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. С. 79–80.

вал в родной деревне Акзегитово (Цивильский уезд Казанской губернии) женский мектеб. Позднее предприниматель выстроил специальное здание под новое учебное заведение, где занятия продолжала вести остазбика (супруга муллы).

В 1890-е гг. получает распространение новый звуковой (джадидский) метод обучения. В 1890 г. Магруй Барудия – супруга мударриса казанского джадидского медресе “Мухаммадия” Галимджана Баруди – начинает давать уроки на татарском языке, применяя звуковой метод. Позднее эта инициатива была подхвачена и в других местностях. Например, в селе Болотце (Яубаш) Касимовского уезда Рязанской губернии открыла женскую школу остазбика Галимательбанат Биктимирова (Сулеймания). Она была родом из Казанского уезда, и еще до замужества ее произведения, в том числе о необходимости развития женского образования (“Тэргыйбелбанат”, 1892), были опубликованы в виде брошюр⁷. В 1897 г. открывается женская школа в селе Иж-Буби (Сарапульский уезд Вятской губернии), которая также работала при новометодном мужском медресе братьев Буби. В дальнейшем школа в Иж-Буби была преобразована в женское медресе. На рубеже XIX–XX вв. в Казани организовала собственную школу Лябиба Хусаиния, одна из учениц и помощниц Магруй Барудии. Так в рассматриваемый период складывалась база для подготовки татарских учительниц нового поколения.

Остазбика – вероучительница приходской школы

Необходимо обозначить некоторые характерные черты остазбики и мугаллимы.

Остазбика (или абыстай) – это всегда супруга приходского имама (как правило, являлась еще и дочерью муллы), в обязанности которой входило обучение основам ислама девочек своей махалли (прихода). Уроки она давала у себя дома, получала пожертвования от родителей своих учениц, специальных разрешений на ведение преподавательской деятельности от нее не требовалось.

Мугаллима обучала чтению и письму, а также проводила занятия по другим светским предметам в специально отведенном для этого помещении женской школы. Такие учебные заведения организовывались при поддержке богатых предпринимателей, которые являлись попечителями новых мектебов и медресе. Семейный статус мугаллимы, как и социальное происхождение, не играли никакой роли в ее профессиональной жизни. Мугаллима получала фиксированное жалование, назначенное ей попечителями женской школы. При этом она обучала не только девочек своего прихода, но и всех желающих. Могла работать без специального разрешения, хотя у попечителей школы из-за этого возникали проблемы с надзорными органами.

С появлением специальных женских мектебов изменилась и роль остазбики. Во-первых, для обучения девочек община могла пригласить дополнительную учительницу-мугаллиму, за остазбикой оставалось лишь право вероучения. Во-вторых, после утраты статуса супруги муллы (например, после его смерти или развода) бывшая остазбика могла продолжать свою педагогическую деятельность как в школе своего прихода, так и в другом женском мектебе.

⁷ *Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хэрэкэте тарихыннан... С. 31.

Например, такую трансформацию мы видим на примере Мухлисы Буби, сестры братьев Буби. Дочь муллы с. Иж-Буби была выдана замуж за муллу из Мензелинского уезда, но брак оказался неудачным. После развода она вернулась в дом родителей. Мухлиса-ханум посвятила себя педагогической работе в женском медресе. В 1912 г. Мухлиса Буби уехала в Троицк, где работала мугаллимой в женской школе Яушевых; с 1915 г. стала заведующей нового дарелмугаллимата (татарской учительской семинарии).

По-другому сложилась судьба Магруй Музаффари, супруги казанского муллы Ходжихамета-хазрата Музаффарова. Сразу после замужества молодая остазбика начала обучать девочек своего прихода у себя дома, но в 1893 г. ее супруга лишили указа, и он был отстранен от должности имама Сенной мечети. Семья лишилась основного источника дохода. Однако в 1901 г. Магруй Музаффарию пригласили в качестве вероучительницы в новую русско-татарскую женскую школу, где Магруй-ханум работала долгие годы.

Эта русско-татарская женская школа была организована в Казани спустя почти тридцать лет после первых попыток открытия аналогичных школ. Попечительницей учебного заведения стала вдова статского советника Хадича Ахмерова. Русско-татарская школа завоевала доверие широких слоев мусульманского населения во многом благодаря авторитету остазбики Магруй Музаффари и просуществовала вплоть до 1918 г.

Как уже было сказано выше, в первое время в женских школах преподавали остазбика, но, с распространением звукового метода обучения, не все из них справлялись с новыми учебными задачами. Поэтому попечители-реформаторы приглашали в свои мектебе учительниц, прошедших обучение в новометодных женских школах.

Роль дочерей имамов в развитии женского образования

Как социальная группа татарские мугаллима окончательно сформировались к началу 1910-х гг. Например, в татарской литературе первые образы мугаллима появляются только с 1913 г.

В качестве промежуточной социальной группы между остазбика и мугаллима можно отметить женщин из семей религиозных служителей, получивших домашнее образование и ставших самостоятельными вероучительницами в силу различных семейных обстоятельств. В эту группу входят и Мухлиса Буби (1869 г.р.), и Магруй Музаффария (1873 г.р.), и Лябиба Хусаиния (1880 г.р.).

Лябиба-ханум родилась в семье сельского имама, но была замужем за казанским приказчиком. В школе Лябибы Хусаинии в 1900-е гг. работала Фахира-ханум, тоже происходившая из семьи деревенского муллы. Она была разведена и имела взрослую дочь, а впоследствии уехала из Казани, учительствовала сначала в Нижнем Новгороде, затем в одной из деревень Закамья⁸.

Происхождение из семей духовенства «оправдывало» в глазах традиционного мусульманского общества самостоятельную педагогическую работу этих

---

⁸ *Рәсулева З., Хужичәхмәтов Ә.* Мәгърифәт йолдызлыгында. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1998. С. 98.

женщин. Например, в 1901 г. в женской школе с. Торбаево Касимовского уезда работала учительницей 26-летняя вдова из Казанского уезда – Сагадат Сулейманова⁹. По всей вероятности, она приходилась родной сестрой Галимательбанат Сулеймании (Биктимировой), являвшейся оразбийкой в селе Болотце¹⁰.

Самостоятельная деятельность этих женщин в сфере народного образования была определенным вызовом обществу. Так, по воспоминаниям учениц школы Лябиби Хусаинии, она была зависима от общественного мнения. Некоторые консервативные силы обвиняли ее в том, что в школе развращают учениц, настраивают их против ислама и семьи. Поэтому во избежание лишних разговоров и для поддержания положительного имиджа своего учебного заведения Лябиба-ханум всегда старалась соответствовать социальным ожиданиям широких масс. Например, в 1890–1900-е гг. носила традиционную одежду (на улице покрывалась чапаном), не посещала татарский театр и вечера, не фотографировалась. Между тем, по словам учениц, Лябиба-ханум интересовалась новшествами своего времени, ей были интересны и театр, и фотографирование. А когда уже в 1910-х гг. выход татарской женщины на улицу с чапаном на голове большинством населения считался признаком ее культурной отсталости, она уже оставила этот предмет гардероба¹¹.

Главным достижением рубежа XIX–XX вв. стало признание решающей роли татарской женщины в национальном прогрессе. Их называли матерями нации (миллэт аналары), поэтому набирала популярность идея о развитии женского образования. Учительницами нового поколения (мугаллимой) становились уже не только дочери или жены мулл, а девушки из обыкновенных семей, без соответствующего семейного статуса и происхождения. В их подготовке огромную роль сыграли школа Лябиби Хусаинии, женское медресе в Иж-Буби и многие другие новометодные женские мектебе.

Новым моментом в этой системе образования стало нивелирование социальных границ. Раньше у приходской оразбийки учились девочки примерно одного социального круга, так как мусульманские махалля, особенно в городах, делились на богатые и бедные. Например, в приходах Старотатарской слободы г. Казани находилось множество домовладений крупных предпринимателей, а семьи рабочих-татар селились, как правило, в Новотатарской слободе. Неслучайно Лябибу Хусаинию некоторые богатые родители обвиняли в том, что их дочери учатся рядом с детьми бедняков. Но новый принцип работы женских школ с предоставлением всем социальным группам равных возможностей соблюдался неукоснительно. Для этого применялся дифференцированный подход к оплате обучения, соразмерный с доходами родителей учениц. Безусловно, в финансирование женских мектебе вносили огромный вклад попечители. С 1910-х гг. учительницы русских классов стали получать жалованья из земств. Например, так работала женская школа в Акзегитово, татарские классы финансировал З. Шафигуллин.

⁹ Модернизационные процессы в татарско-мусульманском обществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы. Казань: Яз, 2014. С. 364–365.

¹⁰ *Фэхреддин Р. Асар*. Казан: Рухият, 2010. С. 334–335.

¹¹ Миллэт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жьентык. Казан: Жьен, 2012. С. 351–361.

Иж-Бубинское женское медресе состояло из татарского конфессионального училища и русско-татарской школы, открытой Сарапульским земством в 1907 г.

Краткосрочные педагогические курсы для мугаллима

Иж-Бубинское женское медресе более пяти лет выполняло роль татарской учительской семинарии, но в 1912 г. деятельность учебных заведений под руководством братьев Буби была прекращена из-за обвинений в панисламизме. С закрытием женского медресе в Буби прекратила свое существование и налаженная система подготовки учительниц-мугаллима.

Образовавшийся вакуум в определенной степени заменили краткосрочными летними педагогическими курсами. Например, в открытом письме читательницам казанского женского журнала «Сююмбика» Магруй Музаффария в 1914 г. писала о необходимости организовать летние курсы для подготовки учительниц-мугаллима. Причем нуждались в дополнительном образовании и уже работающие мугаллима. Зимой они учили детей, а летом старались повысить свою профессиональную подготовку и пройти краткосрочные курсы. М. Музаффария отмечала, что сама лично знает несколько мугаллима, которые очень хотели бы пройти такой курс обучения, однако в Казани ничего подобного не было¹².

Особенно много было организовано таких курсов в годы Первой мировой войны, когда выросла потребность в учительницах. В первые годы войны татарские учителя-мугаллимы не имели льгот и призывались на фронт, поэтому некоторые мектебе были под угрозой закрытия. Например, писатель Гаяз Исхаки в одной из своих статей, опубликованной в газете «Иль» 21 августа 1914 г., призывал подключиться к педагогической работе представительниц прекрасного пола¹³.

Слушательницами курсов подготовки мугаллима становились девушки, имевшие начальное образование. На курсах давали дополнительные знания по татарскому языку, арифметике, предметам естественно-научного направления, а также много внимания уделялось вопросам ислама и арабскому языку. Такие курсы работали в Уфе, Оренбурге и других населенных пунктах¹⁴. В 1915 г. в Троицке была организована Татарская учительская семинария под руководством Мухлисы Буби, а в Казани в 1916 г. открылась женская гимназия Фатихи Аитовой, задуманная в том числе как учебное заведение для подготовки учительниц. Курсы по подготовке учительниц-мугаллима в годы войны организовывали и за счет земств.

Если раньше женщины из бедных семей, в силу необразованности и отсутствия квалификации, претендовали лишь на самые низкооплачиваемые должности, то в 1910-е гг. для них открылась новая возможность для профессиональной самореализации. Этот факт еще больше повышал престиж образования и профессии мугаллимы. «...Я мечтала стать учительницей и вести среди людей полезную работу», – писала о себе Былбыл Ильясова, родившаяся в 1898 г. в станице Фор-

¹² Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2014. С. 274.

¹³ *Исхакий Г. Эсрәләр*: унбиш томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2005. Т. 6. С. 311–312.

¹⁴ *Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан... С. 55–56.

штад в пригороде Оренбурга. Родители ее развелись в 1906 г., и мать после развода работала прачкой. Воспитывалась Былбыл в семье отца и мачехи. В 1917 г. она поступила на учительские курсы, организованные Оренбургским земством¹⁵.

«Быть мугаллимой – это сегодня промысел, – отмечал в 1916 г. писатель Галимджан Ибрагимов. – Для девушек из небогатых, необразованных семей учеба и работа мугаллимой – это своего рода идеал. Она чувствует, что данная деятельность полезна и для ее жизненного роста. Мы повсюду наблюдаем таких самостоятельных девушек и женщин, которые живут вдали от семьи, на чужбине и обеспечивают свою жизнь работой мугаллимы»¹⁶.

Материальные условия жизни мугаллимы

Доходы учительниц-мугаллима были небольшими. По сведениям З. Бурнашевой, жалованье татарских учительниц составляло около 10–20 руб. в месяц. Оплачивались только учебные месяцы, но некоторые получали еще меньше¹⁷. Так, Кояш Джаббарова, работавшая в 1912 г. помощницей учителя в рабочем поселке Оренбургской губернии, вспоминала, что попечители школы золотопромышленники Рамеевы платили ей 5 руб. в месяц. «Но на руки выдавали только 3 рубля, вычитая ежемесячно по два рубля на покрытие тех расходов, которые были затрачены на мою учебу в Оренбурге», – писала она уже в советские годы. Кояш была дочерью шахтера, мать тоже работала при приисках Рамеевых. В 1911 г. работодатели оплатили способной ученице своего мектеба обучение в татарской женской школе-пансионе в Оренбурге. Кояш считала, что они это сделали только ради собственной выгоды, чтобы подготовить «дешевую» учительницу для своей школы. Но накануне войны К. Джаббарова переехала в Казанскую губернию¹⁸.

Даже в успешных школах, поддерживаемых богатыми предпринимателями, в 1912–1913 гг. учительницы зарабатывали от 240 до 300 руб. в год. Любопытно, что жалованья учительниц татарской женской школы Ф. Аитовой г. Казани были меньше (20 руб. в месяц), чем у мугаллима, работавших в женских школах в с. Акзегитово Цивильского уезда Казанской губернии и с. Болотце Касимовского уезда Рязанской губернии, где оно составляло 25 руб. Возможно, повышенное жалованье было одним из факторов для привлечения мугаллиму в сельскую местность.

Но эти суммы уступали доходам учителей основных предметов земских, государственных и других школ. С 1908 г. для земских учителей был установлен минимальный оклад в 360 руб. в год¹⁹. Учительнице городского русско-татарского женского училища в Казани Марьям Мухутдиновой городская дума определила жалованье в 400 руб. в год²⁰. Значительно выше доходов татарских мугаллима

¹⁵ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. П 30. Оп. 3. Д. 1301. Л. 45, 47.

¹⁶ Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан... С. 55–56.

¹⁷ Там же. С. 55.

¹⁸ ГА РТ. Ф. П 30. Оп. 3. Д. 627. Л. 9.

¹⁹ Железнякова Ю.Е. Земская школа в Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. С. 155.

²⁰ ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 9767. Л. 2.

были и заработки учителей школ при крупных предприятиях. Так, заведующий фабрично-заводским училищем Алафузовых в Казани в 1912 г. получал 840 руб. в год. Он зарабатывал как средний конторщик этой промышленной фирмы. Доходы остальных учителей фабрично-заводского училища Алафузовых были сопоставимы со стандартным годовым жалованьем приказчика (450–540 руб.), а у некоторых учителей вспомогательных предметов (рукоделие, рисование и т.п.) годового доход составлял 240–300 руб.²¹ Таким образом, по сравнению с заработками других работников сферы народного образования доходы татарских мугаллима были весьма скромными.

В какой-то мере небольшие жалованья татарских мугаллима компенсировались вознаграждениями от родителей учениц. Эта традиция была связана с народной практикой оплаты труда остазбеки, когда ученицы приносили своей наставнице различные подношения (продукты питания, дрова и т.д.), в том числе денежные пожертвования (садака). Несмотря на то, что мугаллимы получали фиксированное жалованье, родители продолжали соблюдать эту традицию и приносили садака учительнице. Например, такой порядок был принят в женской школе в Акзегитово²².

Однако попытки перевести традиционную подачу садака учительнице в более прогрессивное русло, заменив фиксированной оплатой обучения, не находили отклика среди широких слоев населения. Как писала З. Бурнашева, «отцы, привыкшие до этого платить абыстай по 5–10 копеек садака, не хотели платить за обучение своих дочерей специальные “школьные деньги”»²³.

Не во всех населенных пунктах женские школы поддерживались богатыми попечителями или земствами. Например, в уфимской газете «Тормыш» в 1915 г. было опубликовано письмо, которое отправила учительница из Бугульминского уезда Самарской губернии Закия Шакирия. Письмо показывало незавидное положение мугаллимы, пытавшейся содержать школу за счет самих учениц.

Закия-ханым отучилась на краткосрочных курсах подготовки учительниц в Белебеевском уезде Уфимской губернии и решила организовать женскую школу в одной из деревень Бугульминского уезда. Она сняла подходящее помещение, где собралось 25 учениц, каждая из которых должна была платить 1 руб. в месяц. Но в итоге учительница не сумела собрать даже половину запланированной суммы. «Что мне делать?» – вопрошала она. В письме мугаллима жалуется не столько на собственные материальные затруднения, сколько говорит о нуждах школы²⁴.

Как следует из этого письма, учительница сама позаботилась о помещении для школы, думала о закупке необходимых материалов для уроков рукоделия. То есть мугаллима часто отвечала не только за процесс обучения, но должна была организовать школьное дело, обеспечивать отопление и освещение школы и т.д.

²¹ *Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р.* Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНРТ, 2015. С. 137.

²² *Тимершин И.* Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. Казан: [S.n.], 2001. Б. 95.

²³ *Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан... С. 55.

²⁴ *Тормыш.* 18 марта 1915. № 208.

В некоторых школах помимо основной работы, мугаллима обязана была топить печь, убираться и выполнять другие обязанности²⁵. «...В этой же школе я выполняла обязанности сторожихи (убирала комнаты, мыла полы, окна, парты), – вспоминала мугаллима Кояш Джаббарова. – За это я получала 4 рубля в месяц. Вся эта работа была непосильна для худенькой слабой девушки, какой я была в то время. Здоровье мое было подорвано...»²⁶.

Правовое регулирование профессии мугаллимы

Кроме материальных трудностей и многочисленных обязанностей, жизнь мугаллимы была осложнена отсутствием официального разрешения на работу. В отличие от учительниц русско-татарских школ, получивших право на преподавание как выпускницы русских учебных заведений (например, женских гимназий), мугаллимы не имели никаких свидетельств. Даже остазбика, работавшие в качестве вероучительниц в русско-татарских школах или открывшие школы при своих приходах, имели официальное право на ведение этой деятельности. Большинство же мугаллима, преподававших светские предметы, не имели свидетельства (шәһадәтнәмә). До определенного времени, когда в новометодных мектебах обучали родственницы мулл и самих попечителей, это не играло особой роли. Большинство женских школ на рубеже XIX–XX вв. вообще существовали неофициально. Когда возникла необходимость в открытии русских классов при них, то в качестве номинальных заведующих выступали учительницы со свидетельствами. Например, в Иж-Бубинском медресе в 1909 г. официальным руководителем значилась Газиза Зялалетдиновна Шамова, выпускница Сарапульской женской гимназии. В реальности школьным делом управляли братья Буби, их сестра Мухлиса Буби и их жены. Все они получили домашнее образование²⁷.

Такая же ситуация была и в женской школе Акзегитово, где помощницами официальной учительницы были младшая дочь Шафигуллина и две его внучки²⁸. Но с ростом числа выпускниц новометодных женских школ и выходом профессии мугаллимы за сословные рамки возникла необходимость в официальном подтверждении квалификации. Любой донос в надзорные органы о том, что мугаллима работает без свидетельства, мог послужить причиной для закрытия школы. Этим пользовались консервативные силы общества, противники женского образования.

Первые шаги по интеграции татарских женских школ в общероссийскую систему образования были сделаны в Иж-Бубинском женском медресе. В 1907–1912 гг. решением Сарапульского училищного совета выпускницам этого медресе выдавали свидетельства о том, что они удостоены «звания учительницы-мугаллимы татарского начального училища»²⁹.

²⁵ Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан... С. 55.

²⁶ ГА РТ. Ф. П 30. Оп. 3. Д. 627. Л. 9.

²⁷ Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов. Казань: Гасыр, 2012. С. 148–149.

²⁸ ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 786. Л. 91–92 об.

²⁹ Махмутова А. Феномен Мухлисы Буби // Гасырлар авазы. 2000. № 1/2. С. 205.

Аналогичные свидетельства выдавались выпускницам краткосрочных курсов, организованных земствами. Но была попытка возродить и опыт Иж-Бубинского женского медресе. Так, в 1915 г. стараниями Мухлисы Буби в Троицке, при поддержке предпринимателей Яушевых, открылась женская учительская семинария (Даррелмугаллимат). «Это большая радость, наконец-то у нас есть школа, где можно будет подготовить способных выпускниц и выдавать и свидетельства, и никто, нигде не сможет препятствовать работе мугаллимы, – говорила на открытии нового учебного заведения Мухлиса-ханым. – До этого дня сколько было случаев, когда из-за отсутствия свидетельства мугаллима не могла устроиться на работу, а когда устраивалась, лишалась места по этой же причине»³⁰.

Действительно, многие мугаллимы часто меняли место работы. В качестве примера можно привести женскую школу в Акзегитово, где в 1908 г. учительницей татарской школы работала некая Малика-ханум. В 1909 г. ее сменила Зайтуна Фахретдинова, которая уехала из Акзегитова, проработав там до 1912 г. После ее отъезда наставницей учениц были местная оस्ताзбика Уммугульсум и Зюйря Салихова (сестра учительницы русских классов Махбирюзы-ханым). В 1913 г. новой учительницей стала Мандаги Камалова. В годы войны ее сменила Манбагуль Адылева. За ней был установлен полицейский надзор, проверяли ее политическую благонадежность. Из-за того, что Манбагуль-ханым являлась выпускницей Иж-Бубинского женского медресе, жандармы приписали в ее характеристику «можно полагать, что она панисламистка». В 1916 г. ее заменила Марьям Ибадуллина. Таким образом, за восемь лет сменилось шесть учительниц. Текучесть педагогических кадров наблюдалась и в русском классе при женской школе, где в течение семи лет успели поработать четыре учительницы³¹.

Мугаллима и гендерное равенство

Постоянные перемещения и смена места работы были связаны не только с отсутствием документов или политической неблагонадежностью учительниц-мугаллима, но и неоднозначным отношением общества к ним.

В 1912–1913 гг. на страницах татарских журналов «Аң» и «Ялт-Йолт» произошла характерная публичная перепалка, отражавшая полярную оценку деятельности мугаллимы в татарском обществе. В центре скандала оказалась Магруй Музаффария. В свете обсуждений вопроса о необходимости открытия татарской женской гимназии мулла и депутат Хади Атласи упомянул и ее имя, рассуждая о недостаточном уровне профессиональной подготовки татарских учительниц. Общественный деятель не указал в своей статье даже полное имя мугаллимы, а ограничился обозначениями «жена Ходжихмета муллы», «вдова казанского имама». Очевидно, что упоминание в прессе в таком уничижительном тоне задело Магруй Музаффарию, которая более десяти лет работала вероучительницей в 1-й русско-татарской женской школе в Казани. В ее защиту выступил

³⁰ Махмутова А. Феномен Мухлисы Буби... С. 211.

³¹ История татарских селений Горной стороны (Акзегитовская волость Цивильского уезда Казанской губернии). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 156–160.

Габдулла Тукай, близкий друг семьи Магруй-ханым. Поэт подчеркивал, что «жена Ходжихамета муллы» – это «знаменитая на всю Казань Магруй Музаффария», которую знают и читатели татарских газет, проживающие за пределами Казани³².

Дело в том, что Магруй Музаффария была известна и своими публикациями в печати, в частности, ее стихотворение «Знаменитые женщины» появилось в газете «Эль-Ислах» еще в 1907 г. В этом произведении она указывала на равноправие женщин и мужчин, а все стереотипы своего времени связывала с недостатком женского образования.

Продолжая полемику в стиле гендерного дискурса Х. Атласи, Тукай называет его «альметьевским муллою» и «мужем некой озазбики Биби» и подчеркивает, что ничто не дает ему права касаться личности ни в чем не повинной ханым. Поэт пытался донести мысль о том, что женская гимназия необходима и педагогические кадры для нового учебного заведения найдутся, но надо с уважением относиться и к учительницам старшего поколения, которые, невзирая на критику, продолжали трудиться на ниве просвещения³³.

Показателем оценки деятельности татарской учительницы является и разница в оплате труда. Например, в Касимовском уезде в с. Болотце (Яубаш) в 1912 г. учитель мужского мектебе получал от попечителей 500 руб. в год, тогда как труд учительницы женского мектебе был оценен лишь в 300 руб.³⁴ Для сравнения: при назначении жалованья от земства половая принадлежность преподавателей мектебов не играла никакой роли. Так, в том же 1912 г. в с. Акзегитово Цивильского уезда труд учителя и учительницы русских классов при мужской и женской школах был оценен одинаково – оба получали по 28 руб. 20 коп. в месяц. Таким образом, отношение официальных органов и мусульманской общины к мугаллимам было разным. Более того, внутри мусульманской общины восприятие мугаллимов тоже отличалось: начиная от уважительного отношения до полного презрения.

Тем не менее, почти каждая татарская активистка женского движения начала XX в. нашла профессиональную реализацию, прежде всего в сфере просвещения. Среди них можно отметить Амину Мухетдинову, Абруй Сайфи, Зухру Баимбетову, Захиду Бурнашеву, Фатиму Девлеткильдееву, Кояш Джаббарову и многих других. «Нашим идеалом должно быть служение прогрессу нации и мы не должны говорить, что «лучше быть шеей большой головы, чем маленькой головой», а наоборот должны считать, что «лучше быть маленькой головой, чем просто шеей большой головы», – писала А. Мухетдинова, перефразируя слова Фатимы из пьесы Г. Исхаки «Мугаллима»³⁵. Однако не все представители татарского общества были готовы принять феминистический призыв А. Мухетдиновой, что понимали и большинство мугаллима.

³² Миллэтаналары: тарихи-документальһәм биографик жыентык. Казан: Жьен, 2012. Б. 184.

³³ Там же. С. 184–185.

³⁴ НА РБ. И–295. Оп. 6. Д. 909. Л. 3–3 об.

³⁵ Мухетдинова А. Кем ул мөгаллимә Фатыйма? // Исхаки Г. Әсэрләр: 15 томда. Т. 8. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. С. 207.

Образ мугаллимы в татарской литературе и в жизни

В интеллигентной среде мугаллима вызывала восхищение своей образованностью и бескорыстным служением делу национального прогресса. Именно такими были литературные образы мугаллима – молодых девушек, готовых пожертвовать личным счастьем ради интересов народа.

Одним из первых произведений, где героиня мугаллима Гаухар, стала пьеса Мирхайдара Файзи «Кызганыч» («Жалко»), опубликованная в 1913 г. В центре сюжета – конфликт отцов и детей на фоне любовной истории мугаллимы и сына попечителя женского мектеба. Несмотря на всю прогрессивность взглядов и поддержку дела народного образования, попечитель Сулейман-бай был не готов принять в качестве невестки мугаллиму своей женской школы. «Она же без рода, без племени, бедная девушка. С 15 лет работает мугаллимой, характер совсем уже испортился», – говорит он. В результате Гаухар была вынуждена отказаться от своего возлюбленного³⁶.

В 1914 г. были представлены сразу два произведения – рассказ Габдрахмана Сунгати «Ил фәрештәсе» («Ангел страны») и пьеса Гаяза Исхаки «Мугаллима». Героиня рассказа Г. Сунгати Фатиха после окончания женской школы, не известив родителей, уезжает работать мугаллимой в одну из деревень Касимовского уезда. До этого родители хотели выдать ее замуж. После двух лет учительства Фатиха все же налаживает отношения с родителями, которые принимают ее позицию и не стремятся выдать замуж. Фатиха осталась верна идеалам своей школьной юности, когда вместе с членами молодежного кружка (прообраз кружка татарских гимназистов и шакирдов «Шимба») мечтала о прогрессе нации и служении народу³⁷.

В центре сюжета пьесы «Мугаллима» – внутренняя борьба мугаллимы Фатимы, которая из-за несчастной любви уехала преподавать в далекий сибирский городок, посвятив себя служению народу. Душевные метания у нее вызывает предложение руки и сердца от коллеги-мугаллима. Фатима не может принять это предложение, так как она уже выбрала для себя жизненный путь – учить детей. Если в рассказе Г. Сунгати автор не осуждает такое же стремление своей героини, то в пьесе Г. Исхаки мугаллиму Фатиму одолевают сомнения.

Литературные образы мугаллима имели определенное воздействие на подрастающее поколение, которое воспринимало эти типы как пример для подражания. Например, Былбыл Ильясова так вспоминала о своей юности: «Летом 1914 г. мачеха с моим отцом хотели насильно выдать меня замуж. Я решила не подчиниться им и сказала, что я собираюсь стать учительницей, а если станете насильно выдавать замуж, то я вынуждена буду принять христианство и пусть позор упадет на вас»³⁸. Сбежавшая в 1915 г. из родительского дома Зухра Бурнашева тоже работала в Москве домашней учительницей.

Если в пьесе М. Файзи мугаллиму посчитали недостойной купеческого сына, то в жизни сами учительницы могли рассуждать иначе. Например, Зайнаб

³⁶ Файзи М. Пьесалар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2017. С. 68.

³⁷ Сунгати Г. Шигырләр һәм прозалар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2017. С. 145–180.

³⁸ ГА РТ. Ф. П 30. Оп. 3. Д. 1301. Л. 18.

Амирханова (двоюродная сестра писателя Фатиха Амирхана) вспоминала о том, как она пренебрежительно отнеслась к сватовству молодого купца, образование которого ограничивалось знаниями, полученными в медресе. А будущая невеста к тому времени была выпускницей Ксенинской гимназии. «Как же я учительница пойду за какого-то купца... Он, наверное, торгует кожей? Фу. И ничего не знает об алгебре и геометрии...», – подумала тогда Зайнаб³⁹.

В целом, образ мугаллимы в народном сознании был самым радикальным, в первую очередь, из-за ее независимого социального статуса, диссонирующего с традиционными установками мусульманской общины. В то время, когда большинство женщин проводили свои дни в женской половине дома, появились молодые незамужние девушки, выбравшие для себя иной образ жизни. Отличались они и своим внешним видом. Например, героиня рассказа Г. Сунгати – мугаллима Фатиха перед поездкой в деревню тщательно подбирает новый гардероб, меняет городские наряды на традиционные. В итоге остазбика и деревенское общество принимает ее как свою. Соответствующая социальным ожиданиям одежда, действительно, могла сыграть определенную роль. Выпускница гимназии Фатима Девлеткильдеева приехала в Казань в начале 1910-х гг. и пыталась устроиться домашней учительницей. По ее словам, ни в одном татарском богатом доме ее так и не приняли на работу. Она считала, что всех смутила ее «бедная одежда»⁴⁰. Но вполне вероятно, что одежда Девлеткильдеевой сильно отличалась от традиционного вида татарских женщин. Ведь впоследствии она устроилась заведующей в русско-татарскую женскую школу Х. Ахмеровой⁴¹.

Поведенческие стратегии мугаллимы

Для того, чтобы избежать различных пересудов и обвинений в аморальном поведении, мугаллимы старались хоть как-то соответствовать социальным ожиданиям. Например, одна из учительниц Акзегитовской женской школы Малика-ханым приехала в это село вместе со своей матерью. Они жили в специальном доме, построенном для учительниц. Заменявшую ее в 1909 г. Зайтуну Фахретдинову попечители школы поселили в своем доме, т.к. она приехала в Акзегитово одна, без сопровождения⁴². Такое решение было связано как с безопасностью молодой мугаллимы, так и с желанием избежать негативного общественного мнения.

О трудной жизни сельских мугаллима часто писали в татарских газетах; печатали они и корреспонденции от самих учительниц. Так, одна из них Джихан Юсуфия сообщала в 1915 г., что деревенские мугаллима помимо тяжелого ежедневного труда, который начинается в 7–8 утра, вынуждены постоянно терпеть различные обвинения и оскорбления от необразованного народа⁴³.

³⁹ *Эмирханова З.* Абыем турында // Казан утлары. 1986. № 1. С. 71–72.

⁴⁰ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. Р-4767. Оп. 1. Д. 2. Л. 219.

⁴¹ Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1916 год. Казань: [Б.и.], 1916. С. 268–269.

⁴² *Тимершин И.* Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. Казан: [Б.и.], 2001. Б. 94.

⁴³ Тормыш. 1915 г. 18 марта.

«Мне было 19 лет. Произошла революция, а здесь в Утяшеве по-прежнему властвовал главный мулла – “досточтимый Хакимжан – хазрет”. Он встретил меня в штыки, чинил всякие препятствия в открытии школы <...> Он не хотел сдавать своих позиций, говорил верующим в мечети, что я крещеная и собираюсь открыть миссионерскую русскую школу, чтобы обратить детей мусульман в православную веру...», – вспоминала учительница Ханиса Габитова.

В 1917 г. она окончила Месягутовскую прогимназию и была назначена Златоустовским земством на должность учительницы в новую школу в селе Утяшево. На первые занятия пришли всего несколько мальчиков, девочек вообще не было. Кроме детей уроки посещали и бдительные родители. Лишь после того, как взрослые убедились в том, что ничего предосудительного в школе не происходит, они стали отпускать детей на занятия⁴⁴. В сельской местности почти каждую учительницу ожидали подобные трудности адаптации.

Если в сельской местности приехавшие учительствовать мугаллимы встречали часто враждебное отношение, то в городах их профессиональная деятельность вызывала меньше негативных отзывов. Однако их частная жизнь ограничивалась негласными предписаниями общества. Например, в Казани в мае 1917 г. образовался учительский профсоюз «Союз учащихся мусульман». Но активистке движения Фатиме Девлеткильдеевой не удалось собрать на общие собрания учительниц-мугаллима. «В Казани многие учительницы татарки бывших религиозных школ никогда не участвовали на собраниях совместно с мужчинами, как в бытовых условиях, так и в обществе, поэтому они сразу не решались посещать собрания учащихся[ся] вместе с учителями»,⁴⁵ – вспоминала позднее Ф. Девлеткильдеева. Такое поведение было вызвано боязнью негативных общественных оценок.

Выводы

Таким образом, мугаллимы занимали в татарском обществе двойственное положение. Прогрессивными слоями общества признавалась актуальность их профессиональной роли и необходимость повышения квалификации, что выражалось в организации учебных заведений и различных курсов. Однако в отличие от мугаллимов, которые получали свидетельства на право преподавания в Оренбургском магометанском духовном собрании, профессиональная квалификация мугаллимы не получила официального подтверждения в том же учреждении. Только одно учебное заведение – Иж-Бубинское женское медресе при поддержке Сарапульского училищного совета в 1907–1912 гг. выдавало мугаллимам свидетельства на право преподавания в татарских начальных школах. Подготовка татарских учительниц была окончательно легализована лишь в годы Первой мировой войны. С этим фактом связан и рост количества мугаллима в татарском обществе, которые сыграли важную роль в женском движении эпохи Русской революции.

Романтика национального прогресса увлекала молодых девушек, и они выбирали себе стезю мугаллимы. Эта профессия стала для некоторых альтернативой

⁴⁴ Женщины Башкирии. Сборник материалов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968. С. 129–130.

⁴⁵ НА РБ. Ф. Р-4767. Оп. 1. Д. 2. Л. 221.

нежелательному замужеству. Социальная роль мугаллимы была темой литературных произведений, где поднимались вопросы выбора между семейным счастьем и служением народу. Однако должностные обязанности мугаллимы оценивались довольно скромно, что в определенной степени было связано с распространенной в широких слоях населения стереотипной оценкой роли женщины в общественной жизни. Тяжелые материальные условия и проживание молодых девушек вне своей семьи не способствовали повышению престижа этой профессии в глазах традиционного татарского общества.

© Габдрафикова Л.Р., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 20 февраля 2019 г.

Submitted: 20 Febraury 2019

Библиографический список

- Әмирханова З.* Абыем турында // Казан утлары. 1986. № 1. С. 71–72 (на татарском яз.).
- Бурнашева З.* Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. Казан: Татарстан китапнәшрияты, 1971 (на татарском яз.).
- Биктимирова Т.А.* Татар хатын-кызлары мәгърифәт юлында. Казан: Печатный Двор, 2001 (на татарском яз.).
- Биктимирова Т.А.* Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татар. книжн. изд-во, 2011.
- Брилева Д.* О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 17–36.
- Вафина Х.М., Кисилева А.Н.* Женщины Башкирии. Сборник материалов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968.
- Габдрафикова Л.Р.* «Нас хотят сделать большевиками, вероотступниками...»: мусульманки Волго-Уральского региона в 1917 году // Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 245–270.
- Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р.* Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНРТ, 2015.
- Гатина-Шафикова Д.Ф., Шафиков И.Ф.* Внешний вид женщины в кроссгендерном пространстве мусульманского социума Поволжья и Приуралья: дискурс и практика // Гасырлар авазы. 2018. № 1. С. 179–191.
- Гибатдинов М.М., Солтанов Ф.М.* Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда. Казан: Татар. кит.нәшр., 2014 (на татарском яз.).
- Горохова Л.В.* Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сборник документов и материалов. Казань: Гасыр, 2012.
- Железнякова Ю.Е.* Земская школа в Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002.
- Загидуллин И.* Модернизационные процессы в татарско-мусульманском обществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы. Казань: Изд-во «Яз», 2014.
- Исхакий Г.* Әсәрләр: унбиш томда. Т. 6. Казан: Татар. кит.нәшр., 2005 (на татарском яз.).
- Махмутова А.Х.* Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). Казань: Татар. книжн. изд-во, 2006.
- Махмутова А.Х.* Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик җыентык. Казан: Җыен, 2012 (на татарском яз.).

- Махмутова А.Х. Феномен Мухлисы Буби // Гасырлар авазы. 2000. № 1/2. С. 203–214.
- Мухетдинова А. Кем ул мөгаллимә Фатыйма? // Исхаки Г. Әсәрләр: 15 томда. Т.8. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. Б. 207 (на татарском яз.).
- Ногманов А.И. История татарских селений Горной стороны (Акзегитовская волость Цивильского уезда Казанской губернии). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018.
- Рәсулева З., Хужичәхмәтов Ә. Мәҗрифәт йолдызлыгында. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998.
- Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963.
- Сәнгати Г. Шигырьләр һәм прозалар. Казан: Татарстан китапнәшрияты, 2017 (на татарском яз.).
- Тимершин И. Акъегет авылы тарихы сәхифәләре. Казан: [Б.и.], 2001 (на татарском яз.).
- Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005.
- Фәхрәддин Р. Асар. Казан: Рухият, 2010 (на русском и татарском яз.).
- Фәйзи М. Пьесалар. Казан: Татарстан китапнәшрияты, 2017 (на татарском яз.).
- Hablemitoğlu Ş, Hablemitoğlu N. Şefika Gaspıralıve Rusya'da Türk Kadın Hareketi (1893–1920). Ankara: [S.n.], 1998 (на турецком яз.).

References

- Amirkhanova, Z. “Abyem turynda.” *Kazan utlary*, no. 1 (1986): 69–72 (in Tatar).
- Biktimirova, T.A. *Stupeni obrazovaniya do Sorbonny*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2011 (in Russian).
- Biktimirova, T.A. *Tatar khatyn-kyzлары мәг'рифәт yulynda*. Kazan: Pechatnyi Dvor Publ., 2001 (in Tatar).
- Burnasheva, Z. *Tatar khatyn-kyzлары khәрәкәте тарихынан*. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 1971 (in Tatar).
- Brileva, D. “Women Talking About Women: A Muslim Woman in the Tatar Periodical Press of the Early 20th Century,” *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 2 (2018): 17–36 (in Russian).
- Faizov, S. *Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g.: stranitsy istorii*. Nizhny Novgorod: Makhinur Publ., 2005 (in Russian).
- Fәхрәддин, R. *Asar*. Vol. 3–4. Kazan: Ruhiyat Publ., 2010 (in Tatar and Russian).
- Фәйзи, М. *P'esalar*. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 2017 (in Tatar).
- Gabdräfikova, L.R. “‘Nas hotyat sdelat' bol'shevikami, verootstupnikami...’: musul'manki Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 godu.” In *Chelovek v revolyucii: Kazanskaya guberniya*. Vol. 2. Kazan: Institut istorii AN RT Publ., 2017 (in Russian).
- Gabdräfikova, L.R., Izmailov, B.I., and Salikhov, R.R. *Firma Alafuzova (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): promyshlennaya istoriya Rossii*. Kazan': Institut istorii Mardzhani AN RT Publ., 2015 (in Russian).
- Gatina-Shafikova, D.F., and Shafikov, I.F. “A woman's appearance in the cross-gender space of the Muslim society of the Volga and Cisural regions: discourse and practice.” *Gasyrlar avazy*, no. 1 (2018): 179–191 (in Russian).
- Gibatdinov, M.M., and Soltanov, F.M. *Tatar pedagogik fikere antologiyase*. Vol. 1. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 2014 (in Tatar).
- Gorohova, L.V. *Medrese Kazanskoy gubernii vtoroy treti XIX – nachala XX v.: sbornik dokumentov i materialov*. Kazan: Gasyr Publ., 2012 (in Russian).
- Hablemitoğlu, Ş., and Hablemitoğlu, N. *Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk Kadın Hareketi (1893–1920)*. Ankara: [S.n.], 1999 (in Turkish).
- Iskhakyy, G. *Әсәрләр*. Vol. 6. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty Publ., 2005 (in Tatar).
- Mahmutova, A.H. *Pora i nam zazhech' zaryu svobody (Dzhadidizm i zhenskoe dvizhenie)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2006 (in Russian).
- Makhmutova, A. “Fenomen Mukhlisy Bubi.” *Gasyrlar avazy*, no. 1/2 (2000): 203–214 (in Russian).
- Mahmutova, A.H. *Millät analary: tarihi-dokumental' һәм biografik әңгәнтәк*. Kazan: Jyenne Publ., 2012 (in Tatar).

- Mukhetdinova, A. “Kem ul mögallimə Fatyima?” In Iskhakyy G. *Əsərlər*: Vol. 8. Kazan: Tatarstan kitap nəshriyatı Publ., 2001: 203–207 (in Tatar).
- Nogmanov, A.I. *Istoriya tatarskikh selenii Gornoi storony (Akzigitovskaya volost' Tsivil'skogo uезда Kazanskoj gubernii)*. Kazan: Institut istorii Mardzhani AN RT Publ., 2018 (in Russian).
- Rəsyleva, Z., Нуҗиәһмәтов, Ә. *Мәг'рифәт joldyzlygynda*. Kazan: Matbugat jorty Publ., 1998 (in Tatar).
- Smirnova, V.N. *Zhenshchiny Tatarii v bor'be za vlast' sovetov*. Kazan: Kazan University Publ., 1963 (in Russian).
- Səngati, G. *Shigyrlər hәм prozalar*. Kazan: Meddok, 2017 (in Tatar).
- Timershin, I. *Ak'egət avyly tarikhy səkhifäläre*. Kazan: [S.n.], 2001 (in Tatar).
- Vafina, H.M., and Kisileva, A.N. *Zhenshchiny Bashkirii. Sbornik materialov*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968 (in Russian).
- Zagidullin, I. *Modernizacionnye processy v tatarsko-musul'manskom obshchestve v 1880-e – 1905 gg.: dokumenty i materialy*. Kazan: YAz Publ. 2014 (in Russian).
- Zheleznyakova, Yu.E. *Zemskaya shkola v Kazanskoj gubernii: 1865–1917 gg.* Kazan: Kazan University Publ., 2002 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории имени Ш. Марджани АН РТ.

Liliya R. Gabdrafikova, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Tatarstan Republic's Peoples of Sh. Marjani Institute of History under Tatarstan Academy of Sciences.